

UNITED WISDOM

Человек и внутренний мир: с чего начинается самопознание

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Человек и внутренний мир: с чего начинается самопознание

Эпиграф

> *«мы имеем дело с изменчивым материалом»*

Уильям Джеймс, «Принципы психологии», том I, глава X: точная внутренняя клауза предложения, начинающегося We see then, в английском оригинале. Собственный перевод United Wisdom; прочитанный носитель воспроизводит титульное издание Henry Holt, 1918. Речь о подвижной границе между «я» и «моё».

О чём эта статья

После обычного разговора человек может сказать себе: «Я растерялся», «Мне трудно возражать» или «Я слабый». Эти фразы относятся к разным вещам: переживанию в определённый момент, предполагаемой особенности поведения и общей оценке личности. Самопознание начинается с различения таких переходов. Внутренний мир здесь означает чувства, мысли, воспоминания, намерения и способы описывать себя, а не отдельное место, где хранится окончательный ответ о человеке. Мы сопоставим несколько первичных философских и психологических текстов с условными повседневными сценами. Джеймс поможет поставить вопрос о границах образа себя; Юм — о том, что дано во внутреннем наблюдении; Монтень — об изменчивом самоописании; Эпиктет — о разнице между положением и суждением. Их аргументы различаются, и вводная карта не превращает их в общую теорию. Она предлагает более точные вопросы: что я заметил, что предположил, по какой мере оценил и что ещё следует проверить.

I. Переживание и вывод о себе имеют разный масштаб

Представим человека, который на рабочей встрече не ответил сразу на вопрос. Он помнит паузу, жар в лице и мысль, что все ждут. Это описание конкретного эпизода. Фраза «я всегда теряюсь» уже объединяет несколько случаев, а «я неспособен работать с людьми» распространяет вывод на гораздо более широкую область. Переходы могут оказаться обоснованными или ошибочными; сами по себе яркость переживания и уверенность рассказчика не решают этого. Для начала достаточно заметить, когда меняется предмет высказывания. Одно дело — назвать случившееся, другое — предположить устойчивую особенность, третье — назначить себе место на общей шкале.

В таком разборе полезно сохранить сцену, которую слишком быстро заменил ярлык. Какой вопрос прозвучал? Был ли он понятен? Человек промолчал до конца или ответил позднее? Умел ли он выполнить задачу вне встречи? Если выяснится, что требовалось уточнение исходных данных, пауза получит иной смысл. Если он много раз избегал понятного ответа, возникнет другой вопрос. Точность здесь не обещает приятного результата: иногда подробности выявляют действительное затруднение. Но они дают предмет для обсуждения и изменения. С общей фразой о собственной неспособности непонятно, что именно проверять и кому можно объяснить возникшую потребность.

Внутренний опыт при этом не теряет значения. Человек действительно мог чувствовать страх или смущение, даже если окружающие не заметили паузы. Только чувство и вывод выполняют разные задачи. Чувство сообщает, как переживалась ситуация; вывод связывает её с предполагаемым порядком вещей. На этой вводной карте самопознания мы не требуем выбирать одно из двух. Можно одновременно признать переживание и оставить его объяснение открытым. Например: «Мне было трудно ответить; я пока не знаю, связано ли это с неожиданностью вопроса, отношением к аудитории или недостатком подготовки». Такая формулировка сохраняет и факт трудности, и возможность выяснить её условия.

II. «Я» и «моё» не всегда разделены одной линией

В начале главы X Джеймс рассматривает широкое эмпирическое «я»: то, что человек склонен считать собой и своим. Особенно важно его наблюдение о подвижности границы между этими словами. Работа, репутация или привычное место могут входить в переживаемый образ человека. Это историческое описание способа отношения к себе, а не инструкция считать других людей собственностью. Нам оно позволяет поставить конкретный вопрос: какая часть образа себя оказалась затронута событием? Иногда спор касается отдельной вещи, а переживается так, словно отвергнут весь человек.

Допустим, мастер показывает недавно сделанную полку. Посетитель замечает, что крепление выглядит неудобным. Мастер может услышать техническое предложение, сомнение в своей компетентности или отказ уважать его труд. Эти значения не равны. Полка действительно связана с работой мастера, но конкретное замечание ещё нужно разобрать: о каком креплении говорится, для какой нагрузки, при каких условиях? Если человек защищает себя от предполагаемого унижения, он может пропустить полезный вопрос о предмете. Если ему предлагают терпеть оскорбление ради технической поправки, это тоже неверное смешение. В сцене следует отдельно рассмотреть качество изделия и способ разговора о нём.

Такая граница важна и при перемене обстоятельств. Потеря привычной должности может означать утрату дохода, ежедневного распорядка, круга общения и узнаваемого

обозначения себя. Уменьшать всё это до «просто названия» было бы неточно. Однако список потерь ещё не является исчерпывающим описанием человека. Что именно исчезло, что сохранилось и что пока неизвестно — три разных вопроса. Эпиктет в главе 44 «Энхиридиона» отделяет человека от превосходства его имущества или красноречия. Его этическая мера отличается от описания Джеймса, но сопоставление обнажает полезную развилку: принадлежность чего-то к моему образу себя не делает это единственной мерой моей ценности. Практические потребности при этом остаются реальными и требуют собственного ответа.

III. Социальная роль показывает отношение, а не весь внутренний мир

На одной неделе человек может быть внимательным слушателем с другом, точным организатором общей поездки и начинающим учеником на занятии. Различия в речи и поведении ещё не говорят, что одна из этих сторон ложная. В рассуждении Джеймса о социальном «я» признание другими людьми имеет существенное место; он различает образы человека в разных кругах. Для нашей карты это повод уточнять адресата. Вопрос «какой я?» иногда скрывает другой: «каким меня знает эта группа и что я стараюсь здесь поддержать?» Ответ зависит от отношения, в котором действует человек.

Условный организатор поездки может коротко напоминать время отправления, хотя в дружеской беседе говорит мягко и пространно. Краткость выполняет задачу координации. Но если он намеренно унижает опаздывающих, ссылка на роль уже не объясняет всё поведение. Следует спросить, было ли унижение необходимо для передачи информации и какие последствия оно оставило. Роль задаёт некоторые обязанности и ожидания, однако не отменяет возможности обсуждать способ их исполнения. Поэтому самопознание через роли требует двух описаний: что от меня требовалось и как я реально с этим обошёлся. Между ними может быть совпадение, конфликт или незамеченный выбор.

Эпиктет использует в главе 17 образ актёра, исполняющего назначенную часть. Он рассуждает внутри иной, нормативной и теологической картины; это не современное требование принимать любое несправедливое назначение. Сравнение с Джеймсом позволяет различить положение, предъявление себя и качество действия. Можно учиться выполнять новую роль, не объявляя прежнюю личность уничтоженной. Можно отказаться от обязанности, которую не принимал, или обсуждать её условия. Внутренний мир обнаруживается здесь не только в чувстве естественности, но и в вопросах об обещаниях, пределах полномочий и отношении к другим. Карта становится точнее, когда роль названа конкретно и не выдана за полное определение человека.

IV. Чувство, желание и решение требуют отдельных слов

Слова «мне хочется» иногда незаметно превращаются в «мне это нужно», а затем в «я должен это сделать». Представим приглашение на встречу друзей. Человек рад приглашению, устал после длинного дня и одновременно не хочет выглядеть равнодушным. Если он опишет всё одной фразой «я хочу пойти», часть ситуации исчезнет. Если скажет «я не хочу людей», исчезнет другая. Можно назвать разные отношения к одному событию: удовольствие от общения, потребность в отдыхе, опасение обидеть и решение, которое ещё предстоит принять. Такой список не назначает правильного выбора, зато делает его основания видимыми.

Намерение также отличается от уже совершённого действия. Человек мог действительно планировать приехать, а потом сообщить об изменении решения. Собеседник вправе учитывать не только его намерение, но и позднее предупреждение, из-за которого изменились общие планы. Самоописание «я заботливый» не заменяет обсуждение этого последствия. Равным образом один неудобный отказ не доказывает отсутствие заботы. Полезно удерживать конкретную последовательность: что было обещано, когда стало понятно ограничение, что было сказано и какие варианты оставались. Здесь переживание изнутри и след поведения снаружи дополняют друг друга, хотя доступны разным участникам.

Чувства не обязаны складываться в аккуратную единственную позицию. Радость и досада могут относиться к различным сторонам одной перемены. Это логически возможно без особой теории скрытого устройства психики. Например, переезд освобождает от долгой дороги и удаляет от знакомых соседей. Назвать обе стороны означает уточнить ситуацию, а не разоблачить ложь прежней радости. Для вводного самонаблюдения достаточно спросить, к чему именно относится каждое чувство и какое действие человек готов выбрать. Не всякое ощущение следует немедленно превращать в поступок; решение может учитывать обещания, доступные силы и сведения, которых пока нет. При этом слова о чувствах остаются описанием опыта, а не доказательством единственного разумного выхода.

V. Образ себя — рассказ, который можно уточнять

Фраза «я никогда не довожу дела до конца» может опираться на несколько заметных незавершённых проектов. Но какие дела включены в рассказ? Человек мог месяцами выполнять повседневную работу, поддерживать контакт с близким и закончить обучение, не считая это достаточно значительным. Разбор не требует заранее признать его успешным. Он требует понять, что означает «дело» и почему одни случаи вошли в обобщение, а другие остались вне него. Без этих вопросов спор между «я ничего не умею» и «у тебя всё получается» лишь меняет знак общего ярлыка, сохраняя его неточность.

В начале «О раскаянии» Монтень описывает свой предмет как меняющийся, а самоописание — как работу, зависимую от момента и обстоятельств. Это форма его литературного исследования, не проверенная теория памяти. Из неё можно взять вопрос к собственному рассказу: когда и для какой задачи он составлен? Запись после трудного разговора и рассказ спустя неделю могут различаться. Одна ближе к непосредственной реакции, другая включает новые сведения. Ни временная близость, ни спокойствие поздней версии сами по себе не гарантируют правильности. Можно сохранить обе и установить, какое утверждение изменилось и по какой причине.

Для этого полезны небольшие, проверяемые единицы повествования. Вместо истории «я испортил отношения со всеми» человек описывает один разговор, свои слова, ответ собеседника и то, чего не знает. Он может увидеть повторяющийся способ действовать, но повторение следует показать конкретными эпизодами. Даже точная история остаётся выборочной: она не содержит всей жизни и не обязана объяснять всё сразу. Образ себя нужен для ориентации, однако его можно исправлять при появлении существенных подробностей. Исправление не обязательно означает прежнюю неискренность. Человек мог честно рассказывать то, что тогда понимал, и теперь честно учитывать то, что раньше не заметил. Ответственность за сказанное сохраняется вместе с возможностью уточнения.

VI. Внутреннее наблюдение не сразу решает, что такое «я»

Когда человек обращает внимание внутрь, он может заметить мысль, образ, ощущение или направление интереса. Затем возникает вопрос: кто замечает всё это? Он отличается от перечисления замеченного. В выбранных первых параграфах раздела Юма о личном тождестве поиск неизменного впечатления «я» наталкивается на отдельные восприятия. Джеймс, обсуждая внутреннюю сторону эмпирического «я», различает конкретные способности и более глубокий вопрос об их единстве. Они строят разные аргументы. Их присутствие на одной карте важно именно потому, что обыденное «я это чувствую» ещё не составляет полного ответа о природе человека.

Представим читателя, который замечает раздражение при определённом письме. Если он говорит «во мне есть раздражение», это один способ описать опыт. Если говорит «моё истинное Я спокойно, а раздражение чужое», он добавляет положение о том, что считает настоящим собой. Такое положение можно исследовать, но нельзя выдать за простую запись наблюдения. Возможен и другой поспешный переход: «Раз я не нашёл неизменного ядра, меня вообще нет». Для разговора о письме этот вывод не нужен. Существуют отправленное сообщение, ответ, отношения и последствия. Метафизический спор не делает их несущественными и не освобождает участников от обсуждения конкретного действия.

В выбранном месте Джеймс прямо ограничивает часть своего описания собственным случаем и оставляет вопросы открытыми. Это особенно полезный пример дисциплины самоописания: «Я замечаю это» и «так устроены все» требуют разных оснований. Не нужно повторять его исторические телесные предположения как современный факт, чтобы принять точность такого различения. Вводное самопознание может остановиться на более скромном результате: человек научился различать наблюдаемое состояние и объяснение, которое к нему добавляет. У него ещё нет окончательной теории единства опыта, зато яснее сформулирован вопрос. Эта незавершённость позволяет продолжать разговор, проверять сведения и не закрывать сложность удобным названием.

VII. Память связывает рассказ, но не содержит всей жизни

Человек помнит себя в школьной аудитории и узнаёт некоторые привычные реакции в нынешней работе. Между эпизодами могут быть годы, о которых он мало способен рассказать. Нельзя просто сложить яркие воспоминания и объявить сумму всей личностью. В выбранных параграфах 18–20 Юм обсуждает память в связи с подобием и причинными отношениями; отдельно замечает, что представление о тождестве распространяется и на забытые действия. Это его философский аргумент, а не результат современного эксперимента. Для нашей карты существенна конкретная проблема: связь рассказа не равна полноте того, что рассказчик способен вспомнить.

Допустим, взрослый человек объясняет сегодняшнюю нерешительность одним школьным выступлением. Эпизод мог быть важным. Но фраза «всё началось тогда» включает причинное утверждение, которому нужны дополнительные основания. Были ли до него похожие случаи? Изменялось ли поведение в безопасной или знакомой обстановке? Какие последующие события поддерживали трудность, а какие ей противоречили? Это вопросы к объяснению, не требование отвергать болезненное воспоминание. Уважение к рассказу не означает, что любой содержащийся в нём вывод уже доказан. Можно признать его значение для человека и не объявлять единственную причину установленной.

Есть и обратная ошибка: если подробность забыта, считать её несуществующей или неважной. Человек может не помнить конкретного обещания, тогда как собеседник сохранил сообщение. В таком случае память — одна сторона проверки, а запись и разговор — другие. Не обязательно заранее решать, кто обладает полным верным рассказом. Следует уточнить, что подтверждается, что расходится и какие части остаются неизвестными. Самопознание получает временную глубину, когда различает событие, память о событии и сегодняшнее отношение к нему. Эти слои связаны, но способны меняться неодинаково. Новое понимание прошлого не переписывает уже случившееся действие; оно меняет то, как человек отвечает на него сейчас.

VIII. Оценка себя зависит от того, что именно считается важным

Два человека одинаково ошибаются при чтении незнакомой карты. Один воспринимает это как небольшую заминку, другой — как крушение образа человека, который всегда находит дорогу. Различие можно понять без измерения их общей ценности. Второй сделал определённое умение существенной частью своей характеристики. В рассуждении Джеймса о выборе возможных сторон себя показателен контраст между важной для него психологией и незнанием греческого. Он связывает оценку с принятой претензией. Это исторический концептуальный пример; он не даёт численной формулы достоинства или универсального закона всех переживаний.

В условной сцене с картой можно спросить, откуда взялось требование никогда не ошибаться. Оно могло возникнуть из профессиональной обязанности, семейной привычки или желания быть полезным. Основания различны и ведут к разным решениям. Если от маршрута зависит общая задача, нужна проверка пути и, возможно, помощь другого человека. Если ошибка лишь нарушила эффектный образ, полезен иной разговор о том, что приходится защищать. Отказ от необоснованного идеала не освобождает от реальной обязанности разобраться с дорогой. Разведение этих вопросов удерживает и уважение к себе, и необходимость выполнить конкретную работу.

Эпиктет в главе 29 предлагает рассматривать условия и последствия задуманного занятия. Его нормативный совет отличается от джеймсовского описания, но обе стороны позволяют не смешивать все возможные жизни с одной принятой задачей. Нельзя одновременно реализовать каждый воображаемый образ себя просто потому, что он привлекателен. Нужно выяснить, какой выбор сейчас сделан и чего он требует. На нашей карте оценка становится понятнее, когда названы предмет, критерий и область применимости. «Я недостаточно подготовился к этому выступлению» допускает обсуждение подготовки. «Я недостаточный человек» не указывает, что именно изменять, и незаметно делает всякий отдельный результат общей мерой существования.

IX. Другой человек видит часть того, что трудно увидеть изнутри

Человек может считать себя хорошим слушателем, потому что искренне интересуется собеседником. Друг замечает, что его постоянно перебивают. Эти высказывания не обязательно противоречат друг другу: первое касается интереса, второе — способа вести разговор. Если обсуждать только намерение, исчезнет эффект перебиваний. Если принять только ярлык «ты не умеешь слушать», исчезнут обстоятельства и возможные исключения. Точный разговор требует сцены: когда прозвучал вопрос, кто начал говорить, на каком месте собеседник остановился и удалось ли вернуться к его мысли. Тогда разница между внутренним мотивом и наблюдаемым поведением становится предметом совместного уточнения.

В выбранном месте Монтень пишет о доброжелательных замечаниях друзей и одновременно о трудности их меры. Он не просто отвергает обратную связь и не передаёт ей окончательное право судить. Эпиктет в главе 45 различает описание действия и оценку, добавленную без знания основания. Это разные тексты, но сопоставление помогает задавать вопрос: что именно было замечено, а что из этого заключили? Современное применение здесь принадлежит нашей статье. Оно не означает, что всякое суждение следует откладывать бесконечно или что видимый вред можно отменить неизвестным добрым намерением.

Допустим, друг говорит: «На вчерашней встрече я трижды не закончил фразу, когда ты начинал отвечать». Человек может уточнить, какие моменты имеются в виду, и рассказать, что пытался быстрее понять вопрос. Объяснение интереса не стирает факт прерывания, но позволяет обсуждать другой способ его выражать. Обратная связь становится содержательной, когда не требует немедленного общего признания себя плохим или хорошим. Её можно проверить на следующем обычном разговоре: дать другому завершить мысль и затем уточнить услышанное. Это конкретная договорённость между людьми, а не доказанный метод изменения личности. Оба участника сохраняют право сказать, что получилось и что пока не изменилось.

X. Самопознание продолжается в отношениях и поступках

Внутренний мир можно вообразить закрытой комнатой, где человек должен сначала всё понять, а потом выйти к другим. Такая последовательность оставляет без внимания то, что некоторые вопросы обнаруживаются в действии. Можно считать себя готовым сотрудничать и заметить трудность только при разделении общей работы. Можно заранее бояться разговора, который окажется проще после уточнения условий. В этих случаях поступок не заменяет размышление, а даёт ему новый материал. Самопознание оказывается чередованием наблюдения, объяснения, проверки и ответа, без обязательного окончательного портрета, который должен предшествовать каждому следующему шагу.

Условная группа готовит небольшую выставку. Один участник берётся за организацию, потому что привык думать о себе как о надёжном человеке. Позже выясняется, что он не успевает и избегает сообщить об этом. Здесь можно обсуждать несколько вещей: реальное расписание, принятый объём работы, страх разочаровать остальных и прежний образ надёжности. Не всё разрешается одним внутренним открытием. Может понадобиться передать часть задачи, исправить обещание и назвать срок. Такой ответ не обязательно красив, однако он связывает понимание себя с доступным действием и с теми, кого касается задержка. Участники получают сведения, а не только рассказ о переживаниях организатора.

Вводная карта поэтому не заканчивается словом, которое навсегда объясняет человека. Она помогает удерживать связи между переживанием, образом себя, социальным положением, критерием оценки и следом поведения. Ни одна из этих сторон не исчерпывает остальные. Иногда следующий шаг — уточнить факт, иногда — услышать другого, иногда — пересмотреть взятую обязанность. Неизвестное тоже можно назвать точно, не превращая его в позор или мистическую глубину. «Я пока не понимаю, почему здесь отвечаю иначе» — достаточное начало конкретного исследования, если за ним сохраняется внимание к обстоятельствам. Достоинство человека не зависит от того, сумел ли он составить исчерпывающее описание себя; ответственность за доступные решения при этом не исчезает.

Что это значит на практике

Для небольшого добровольного разбора выберите обычный эпизод, который не требует раскрывать чужую тайну: встречу, просьбу или изменение плана. Запишите два-три предложения о том, что происходило, без общей характеристики себя. Например: «Меня попросили помочь в субботу. Я сразу согласился. Вечером увидел, что уже назначена другая встреча». Если точной последовательности не помните, обозначьте это вместо достраивания уверенной истории. Задача — получить достаточно определённый предмет разговора, а не составить отчёт обо всей жизни.

Теперь отдельно назовите переживание и добавленный к нему вывод. «Я испугался отказать» отличается от «я обязан всегда помогать», а оба высказывания отличаются от «со мной что-то не так». Спросите, к чему относится чувство, откуда взято правило и что подтверждает широкое заключение. Можно оставить часть вопросов без ответа. Уже полезно видеть, какой переход требует сведения, которого пока нет. Не нужно заменять каждую неприятную мысль благоприятной: более точная формулировка может содержать действительное затруднение и ограничение.

Назовите роль и конкретное обещание. Кому вы отвечали: другу, коллеге, участнику общей работы? Что действительно было принято, а что только предполагалось? Уточните, есть ли внешний след, способный дополнить память: сообщение, расписание, результат действия. При необходимости попросите собеседника описать определённый момент, не требуя общей оценки характера. Его взгляд можно учитывать вместе со своим, различая наблюдение и объяснение.

Наконец, выберите посильный ответ, относящийся к эпизоду: уточнить время, предупредить о несовпадении планов, исправить обещание или задать недостающий вопрос. Не обещайте себе после этого стать совершенно другим человеком. Запишите, что остаётся неизвестным и какое обстоятельство помогло бы это прояснить. Такая практика предложена как способ упорядочить вопросы; первоисточники не устанавливают её эффективность. Можно остановиться, сохранить запись для себя или вовсе не делать её. Самопознание не требует публичной исповеди: достаточно честно различать то, что вы пережили, то, что утверждаете, и то, за что готовы отвечать в конкретном отношении.

Ключевая цитата

> *«Социальное Я человека — это признание, которое он получает от других людей».*

Уильям Джеймс, «Принципы психологии», том I, глава X, раздел о Social Self: полное первое предложение, начинающееся A man's Social Self. Собственный перевод United Wisdom с английского оригинала на прочитанном носителе издания 1918; mates передано как «другие люди» в контексте социального признания. Цитата описывает один аспект эмпирического «я», не исчерпывает личность и не устанавливает её достоинство по чужому одобрению.

Связи между традициями

1. Подвижная принадлежность и мера человека. Джеймс в начале главы X рассматривает переход между «я» и «моё» и включение вещей в переживаемый образ себя. Эпиктет в главе 44 отделяет человека от превосходства имущества или речи. Связь уточняет разницу между привязанностью к предмету и оценкой личности через этот предмет. Описательная психология и нормативная этика остаются разными задачами; потери не объявляются несущественными.

2. Социальные образы и исполняемая часть. Джеймс рассматривает различия между социальными «я» в разных кругах, глава X, абзацы Social Self. Эпиктет использует назначенную актёру роль, глава 17. Обе стороны позволяют отличить человека от занимаемого положения и спросить о качестве действия. Разные аудитории у Джеймса не равны теологическому назначению у Эпиктета; сопоставление не требует принимать несправедливую обязанность.

3. Наблюдение и объяснение единства. Юм, «Трактат» I.4.6 §§ 1–4, ищет впечатление неизменного «я» и обсуждает отдельные восприятия. Джеймс в выбранных абзацах о Spiritual Self различает конкретные внутренние способности и вопрос об их единстве. Связь касается того, что дано в описании опыта и что добавляет теория. Эти аргументы не совпадают; позднее Приложение Юма не исследовано, современный научный вывод об отсутствии человека не делается.

4. Память и изменчивый портрет. Юм в I.4.6 §§ 18–20 различает отношения памяти, подобия и причинности, включая тождество за пределами вспоминаемого. Монтень в начале III.2 описывает меняющийся предмет и обстоятельства своего рассказа. Сопоставление помогает отделить временную связь жизни от неподвижности самоописания. Философское тождество и литературный портрет не сводятся к одной теории памяти.

5. Выбранная мера и условия занятия. Джеймс в главе X, Rivalry and Conflict of the Different Selves, связывает значимость неудачи с принятой стороной себя. Эпиктет в главе 29 требует рассмотреть условия задуманного дела. Связь — конкретизация притязания и его цены вместо оценки всех возможных жизней сразу. Исторический образ соотношения успеха и притязаний не используется как измеренный закон; нормативный совет не становится психологическим доказательством.

6. Замечание друга и граница вывода. Монтень в III.2, абзацы Some of my friends и We, who live private lives, принимает замечания с вниманием к их мере. Эпиктет в главе 45 различает описание действия и оценку без понимания основания. Обе стороны поддерживают вопрос о том, что наблюдалось и как получен вывод. Современный разговор о перебиваниях — авторское применение; самоуверенность не объявляется безошибочностью, а проверка оценки не отменяет реального вреда.

Первоисточники

Уильям Джеймс, «Принципы психологии», том I, глава X. Английский оригинал; прочитаны титульные страницы и предисловие носителя Henry Holt 1918, затем начало главы и выбранное обсуждение эмпирического «я», чувств и притязаний. Остальная глава и целый труд не заявлены прочитанными. Точные цитаты — внутренняя клауза We see then и полное первое предложение Social Self; русский перевод наш.

Дэвид Юм, «Трактат о человеческой природе», I.4.6. Английский оригинал с локаторами T/SBN. Полностью прочитаны §§ 1–7 и 15–23; §§ 8–14 и позднее Приложение не исследованы. Использованы конкретные аргументы о восприятиях и памяти, без окончательного решения всей философии Юма.

Эпиктет, «Энхиридион». Показанный английский перевод Элизабет Картер. Фактически прочитаны главы 1–48; в статье используются 17, 29, 44 и 45. Завершение 49–53, «Беседы» и греческий текст не исследованы. Древние предписания рассматриваются в собственном контексте.

Мишель Монтень, «Опыты», III.2, «О раскаянии». Английский перевод Чарльза Коттона в редакции Уильяма Кэру Хэзлитта, 1877. Прочитаны начало III.2, обсуждение чужой оценки и частного поведения, а также прилегающий конец III.1; оставшаяся III.2 и французский оригинал не исследованы. Это литературное самоисследование, не современный эксперимент.

Теги

самопознание, внутренний мир, опыт, образ себя, самоописание, Джеймс, Юм, Монтень, Эпиктет, эмпирическое я, социальное я, роли, чувства, намерение, действие, память, личное тождество, рассказ о себе, обратная связь, наблюдение, суждение, критерий, притязания, обстоятельства, отношения, обещания, ответственность, признание, достоинство, неопределённость, первоисточники, философия

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.